

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Вааль М.С.

Трансформация гендерных ролей и отношений в современной России 341

Гомбоева Н.Г.

К вопросу исследования религиозного синкретизма в отечественной науке 346

Кениспаев Ж.К., Серова Н.С.,**Давлатмуродов Ш.Ш.**

Природные основания интеллекта человека 349

Стогова В.С.

Проблема души в философии древних греков ... 350

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Generalov V.A.

An analysis of the role of functives in the structure of English stereotyped word combinations with substantive bases 353

Агибаева С.С.

Город и Степь в поэзии Б. Канапьянова 70–80х гг. XX в. 356

Ань Лишэн

Роль письма в процессе обучения китайских студентов младших курсов русскому языку 358

Бондаренко М.И.

Поэтика романа Л. Шрайвер «Цена нелюбви» ... 360

Власенко О.К., Матвеева А.Д.

Лингвистические особенности кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Food Tube» 361

Власенко О.К.

Коммуникативный потенциал круглого стола ... 363

Гареева Г.Н.

Жанровая природа творчества Ангама Атнабаева 366

Гареева Г.Н.

Идейно-тематическая основа драматургии Нажиба Асанбаева 369

Гареева Г.Н.

Гражданский пафос творчества Назара Наджми 371

Гареева Г.Н.

Стилевая доминанта творчества Рашид Нигмати 373

Гареева Г.Н.

Устно-поэтические традиции народа в поэзии Сайфи Кудаша 375

Кастенхольц А.А.

Языковая репрезентация цвета в литературных памятниках Японии эпох Нара и Хэйан. Цикл статей. Часть вторая. Красный цвет 377

Леонтьева А.Ю.

Весенне-летнее межсезонье в мифологической модели поэтического мира Д.С. Самойлова 379

Пальчикова Д.Д., Семенов А.И.

«Даймонд» как исторический регионализм 384

Пальчикова Д.Д.

Наблюдения над функциями региональных топонимов в поэзии В.В. Португалова 386

Симонова Е.П.

Лингвопрагматические особенности актуализации бытового дискурса в романе Патрика Несса «A Monster Calls» («Голос монстра») 388

Тариева Л.У.

Характер предикаций эргативного гипотаксиса с придаточными обстоятельственным времени ... 390

Эшиев А.М.

«Памятник Кюль-Тегину» и эпос «Манас»: антропонимические, этнонимические параллели, аналогии 395

Эшиев А.М.

Древнетюркские надписи и эпос «Манас»: антропонимические, этнонимические параллели, аналогии 398

Ягуфаров Р.А.

Экфрасис в романе Эми Тань «Долина изумления» .. 400

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**Серова О.Е.**

Российская психология 1950-х годов: забытые
страницы научного творчества А.А.Смирнова403

Стельмах Ю.Б.

Межличностные отношения старших дошкольников
с общим недоразвитием речи406

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**Бетербиев Ш.И.**

Технологии социальной реабилитации инвалидов . .
.409

Киселева А.Ю., Текушева Л.А.

Американизация массовой культуры в современной
России410

Умархаджиева С.Р.

Реализация культурной политики в Чеченской
Республике413

Хаджимурадова Т.Х.

Современная молодежь в мультимедийном
пространстве414

Хаджимурадова Т.Х.

Место коммуникативных технологий в
жизнедеятельности молодого поколения416

Щитко В.С.

Специфика связей с общественностью в
общедоступной библиотеке417

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

An analysis of the role of functives in the structure of English stereotyped word combinations with substantive bases

Generalov Vladimir Aleksandrovich, Applicant for Candidate's Degree Chair
of Theoretical and Applied Linguistics
Chelyabinsk State University

Abstract. The present paper is devoted to some issues relating to English stereotyped word combinations with substantive onomasiological bases, particularly those that are used in socio-political texts. An attempt is made herein to describe cliched components in their structure (modifiers and bases) as functives, on the basis of implied subject-predicate-object (S-V-O) relations.

Keywords: word collocation; cliché; model; modifier; basis; S-V-O relation; transformational procedure; decoding; function; a functive; interdependence; determination; constellation; uniqueness; a narrative; event; a compactive.

Анализ роли функтивов в структуре английских клишированных словосочетаний с субстантивными базами

Генералов Владимир Александрович, соискатель ученой степени
канд. фил. наук кафедры теоретического и прикладного языкознания ЧелГУ
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Аннотация. Настоящая статья посвящена некоторым вопросам, относящимся к английским клишированным словосочетаниям с субстантивными ономазиологическими базами, в частности к тем, которые используются в публицистических текстах. В работе предпринимается попытка описать стереотипные компоненты в их структуре (модификаторы и базы) в качестве функтивов, на основе имплицированных субъектно-предикатно-объектных отношений (S-V-O).

Ключевые слова: словосочетание; клише; модель; модификатор; базис; субъектно-предикатно-объектное отношение (S-V-O); трансформационная процедура; декодирование; функция; функтив; взаимозависимость; детерминация; констелляция; уникальность; нарратив; событие; компактив.

Introduction

When studying various structural types of English word combinations (WCs) with substantive bases, we reveal some points of coincidence and typicality in the status of inter-componential links in their composition, as well as points of difference and non-typicality. In this regard, one may observe both uniqueness/unicity and non-uniqueness of semantic interrelations between modifiers and bases. For instance: (1) unique interrelationship: **book name - brand name - product name - case name - file name**, etc. (contingent objects **book**, **brand**, **product**, **case** and **file** do not form a single semantic class with one another and pertain to different thematic rows); (2) non-unique interrelationship: **book(s) section - foodstuffs section - bike(s) section - tractor section - art-car section**, etc. (contingent objects **books**, **foodstuffs**, **bikes**, **tractors** and **art-cars** are thematically connected with one another as a class of stock-keeping units/items and pertain to one generalised semantic row).

A specificity of the inter-componential relations illustrated in the above examples consists in that they show both generic and aspectual modification within a group of similar bases. In this connection, we may assert that there is apparently no generic unique interconnection,

say, between the modifier **new books** and the basis **section** since the latter may freely match with other modifiers denoting stock-keeping units. Correspondingly, as regards the given WC, a mnemonical row seems to be formed in an individual's consciousness: *new books section* ↔ *new bookstore section* ↔ *new additions section* ↔ *new designs section* ↔ *new publications section* and so on.

We believe that semantic properties of the modifier and the basis specify a dependence between them in the structure of a WC. Thus the latter may be of two types:

DETERMINATION I: as an illustration, an actantial dependence of two objects of the reality, designated by the modifier and the basis may be observed in the WC **tillage tool**. That is to say, the actant **tool** denotes a passive subject of an action, whereas the actant **tillage** indicates an object of this action (← a tool (S) IS USED FOR CARRYING OUT (V) tillage (O_{direct})). We suppose that the modification of this type has a *generic meaning*. This is why there exists, as it were, an *inherent bilateral dependence* between the structural components **tillage** and **tool**. The modifier **tillage** testifies to a *generic meaning* of the basis **tool**.

DETERMINATION II: as an example, an actantial dependence of two objects of the reality, designated by the

the two homonymous WCs **Obama¹ letter¹** (a letter compiled by Mr. Obama) and **Obama¹ letter²** (a letter addressed to Mr. Obama).

We refer English WCs built on the basis of Determination II to quasi-composites, because they represent term-like analogues of rather bulky syntagms containing prepositional or participial links: **books section versus section of books, adulteration saga versus saga of adulteration/saga devoted to adulteration; strategic decisions group versus group for strategic decisions etc.**

Sometimes, it is necessary to apply a procedure of deconvoluting a convoluted WC structure into an extended predicate syntagm while "decoding" homonymous WCs with substantive bases in various contexts. For instance, it is theoretically possible to use the following transforms with respect to the WC **France team**:

1. → a France-based team FUNCTIONING IN France;
2. → a team ORIGINATES FROM France and FUNCTIONS elsewhere;
3. → a France-based or foreign team STUDIES France;
4. → a France-based or foreign team IS BOUND TO France as its destination.

The present article is aimed at determining the specificity of some types of English compactive word combinations, or compactives. We endeavour to base our analysis on several propositions of glossematics, particularly those concerning functions between abstract entities called functives. Considering a function, L. T. Elmslev and his associates and followers meant an

interrelation alone, void of any semantic filling. The theory of glossematics was criticised for too general a character of its basic notions. Nevertheless, we believe that some of its explications may be useful and instrumental for carrying out a semantic analysis of modifier-to-basis interrelations in the structure of English stereotyped WCs with substantive bases.

Conclusions

1. A number of models of stereotyped WCs are widely used in Modern English. They are characterised both by their recurrence and compactness. In particular, they enable authors of social-political essays to avoid using bulky WCs containing prepositional or participial groups.

2. The application of transformational procedures in the interpretation of English WCs makes it possible to determine the semantic status of inter-component relationships within their structure, as well as to "decode" homonymous WCs.

3. The use of certain propositions of glossematics while studying inter-component relations in the structure of English stereotyped WCs seems to be promising (for example, L. T. Elmslev's three types of 'function' as an interdependence between two constants; a constant and a variable; two variables, as well as his theory of functives). This promotes establishing a theoretical basis for the empirical study of such WCs.

4. The tentative classification of models of stereotyped WCs, presented in this paper, is subject to further verification and validation.

References:

1. Barchenkov A. A. Klishe i shtampy v yazyke angliyskoi gazety: avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [Cliches and stereotypes in the language of the English newspaper: Thesis Abstract of Candidate of Philological Sciences]. Moscow, The Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Toretz, 1981. - 24 pages.
2. Cliché / Merriam-Webster Encyclopaedia. 2011. - URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/cliche>.
3. Cliché / Using English.Com. 2011. - URL: <http://www.usingenglish.com/glossary/cliche.html>.
4. Hjelmslev, L. T. Omkring sprogteoriens grundlæggelse [Prolegomena to the theory of language]. Festschrift udgivet af Københavns Universitet i anledning af Universitetes Aarsfest, 11 1943, pp. 3-113.

Город и Степь в поэзии Б. Канапьянова 70-80х гг. XX в.

Агибаева Сабина Советовна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Казахстанский университет им. М.Козыбаева (Петропавловск, Республика Казахстан)

Пространство и время являются важнейшими категориями, формирующими пределы человеческой жизни, и, по замечанию д.ф.н. Т.В. Топоровой, определяющими «...все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство» [1, с. 12].

Картина мира, сформировавшаяся в кочевой культуре, имеет ряд особенностей, отличающих ее от мировосприятия представителей «земледельческих» этносов. Как отмечает проф. Б.Г. Нуржанов, «Для кочевника высшей ценностью обладает движение, способность перемещаться, передвигаться, не закрепляться навечно на ограниченной территории. Более ценно все то, что движется, течет, изменяется, превращается, метаморфозируется; а то, что неподвижно,

неизменно, вечно, оседло, обладает вторичной ценностью» [2, с. 43]. В связи с этим, бинарная оппозиция «город – степь» оказывается одной из ключевых, философски значимых в художественной системе казахской литературы.

Космос степи, по мнению исследователей, включает в себя ключевые образы-мотивы дороги, постоянного гармоничного движения по кругу – «орбите кочевой», аула – малой родины и юрты как временного пристанища и жилища, максимально близкого к природе. По степени употребительности топоним «степь» – один из наиболее частых в казахстанской лирике. Опираясь на мифологические, фольклорные традиции и опыт мировой литературы, художники слова значительно расширяют семантику этого понятия. Открытое пространство степи осмысливается не

только как родина, земля предков, средоточие исторической памяти и культурных ценностей. Это также символ бесконечного движения, свободы, иных форм отношений с окружающим миром.

В поэтическом цикле «Алма-Яблоко» Б. Канапьянова лирический герой-горожанин слышит зов: «Вновь по весне степной простор влечет. / Сажусь в автобус я на маленьком вокзале. / Быть может, люди мне дорогу подсказали, / Быть может, птицы... Я не знаю, кто еще» [3, с. 20]. «Маленький» вокзал противопоставлен степному «простору», и стремление городского жителя выйти за пределы замкнутого пространства оказывается очень сильным. «Здесь улыбаюсь каждому кусту, / Полёт орла я провожаю взглядом», – герой как будто преодолевает внутренние запреты, воссоединяется с утраченным миром. Здесь, в степи, исчезают пространственные и временные границы: «И древний кюй звучит, быть может, рядом, / И – поезда далёкий перестук» [там же].

Однако еще более важным откровением оказывается осознание собственной сущности: «Неприметны следы мои в степи, / Ненадолго трава от них сомнется, / Но жизнь моя курганом обернется... / Там, в глубине, степное сердце спит». «Степное» сердце героя ведёт его к истокам, образ кургана – в данном контексте амбивалентного символа жизни и сна-смерти, напоминает о бесчисленных поколениях предков, ставших, как и герой, частью этого мира.

Семантика пространственного образа степи в поэзии Б. Канапьянова включает в себя традиционные образы-звуки кюя, игры на домбре, топота аргамаков: «Родной степи мелодия слышна»; «...степь зачарованно слушает / Кюи Курмангазы»; «На мои отвечаешь вопросы / Отзвуками струны»; «Подступил к сердцам / Гулкий топот» [3, с. 10–68]. В поэтическом цикле «Алма-Яблоко» детали городского быта мирно сосуществуют с исконно «степными», традиционными образами – например, транзистор с домброй у студенческого костра [там же]. Тем не менее, нередко в голосе лирического героя слышится сожаление о расставании с малой родиной, тоска по аулу и почти забытым традициям: «И вечная плачет домбра / О том, что в степи затерялся ребёнок» [3, с. 36]. В стихотворении «Родной очаг» герой просит: «Родной очаг, / За все прости меня. / За то, что о корнях / Я забываю. / Все получил / От твоего огня / И ничего в ответ / Не возвращаю». Степь прощает и отпускает его: «Встречать людей, / Стихи дарить, / И – жить! / Судьбой / Народу своему служить. / Благословляет степь: / – Иди, сын мой!» [3, с. 66].

В «Подарке чабана» герой беседует с добродушным хозяином, и тот замечает: «Будь гостем моим – / В этот, знаешь ли, век / Не часто гость приезжает» [3, с. 24]. Посмеиваясь, чабан рассказывает, как отказался от машины в награду: «Но на бензин не сменял я узду... / Я цветом гнедого горжусь!». Гордость чабана не разделяет его сын, однако, отец не в обиде: «С жизнью моей не знаком он. / Откуда ему, горожанину, знать / Наши степные законы?!» Тот же мотив утраты «степного» знания, памяти крови звучит в стихотворении «Кони». Мальчик-горожанин впервые в жизни видит живых «безропотных» коней на арене цирка, ребёнок смеется, а его отцу грустно: «И только отец мальчишки / С грустью смотрел на это,

/ Далекое детство вспомнив, / Откуда примчался конь» [3, с. 42].

Ностальгия по счастливому детству в поэтическом цикле Б. Канапьянова связана не только со степным пространством, но и с образом прекрасного южного города Алма-Аты. Это сложный многоцветный образ, включающий и урбанистические зарисовки («калейдоскоп светофоров», «дневных проспектов крик», «асфальты пахнут зноем»), и лирические описания островков городской природы. Например, в стихотворении «Арык» традиционный элемент восточного города не только оживляет городской пейзаж, но и создает атмосферу волшебной сказки из «Книги тысячи и одной ночи»: «И – сдвинута бетонная стена, / И в переулок детства открыла путь она... / И вдоль арыка плещется луна, / И ожила забытая струна – / Сердцебиение земное» [3, с. 27]. Шёпот фонтана и пение арыка сопровождают влюбленных: «...сброшу я тяжесть разлуки, / чтобы с тобою бродить / по нашему городу / в эту зеленую ночь...» [3, с. 73].

Другая примета Алма-Аты – горы: «Как величаво высятся хребты, / Взирая по-отечески на город», «Угрюмы вершины своей седinou / И горы вдоль города встали стеной... / Фонтан ли смеётся? – Алмаатинка. / В глазах её тает горная льдинка» [3, с. 29]. «И в рифме «горы – город» есть ландшафт», отмечает автор. В стихотворении «Валун» камень, принесенный «с вершины дальней», мечтает вернуться в горы. Он ждет «нашествия / С вершин небесных глыб» [3, с. 54]. Топос горы в модели мира кочевых тюркоязычных народов традиционно соотносится с небесным царством Тенгри.

«Город зелёных ночей», «белый город в долине» в цикле «Алма-Яблоко» воплощает идеальное пространство, в котором сочетаются урбанистические и природные мотивы. Однако сердцу поэта дороже яблоневые сады, когда-то подарившие городу имя, «привившие» жителям Алма-Аты особые черты: «Нам родина – эти холмы, / Горы и город в долине. / И дети природы все мы, / Мы яблока – / Половины. / Там / Жизнь переходит в плоды, / Нас / Яблоня благословила. / Мы / В яблоке ищем черты, / Что яблоня нам / Привила» [3, с. 49]. В другом стихотворении лирический герой с болью констатирует: «Я родом из детства, где яблоки зноем налиты, / Где слушал в траве я стрекоз и кузнечиков музыки, / Где ветви согнулись под тяжестью спелого груза, / Где корни деревьев арычною влагой омыты, / Я родом из сада, где ныне – бетонные плиты» [3, с. 35].

Испытывая экзистенциальную вину, «железобетонной» городской осенью герой признаётся: «О степная земля, мы так пред тобой виноваты, / Что смотрим с виной и болью на эти закаты». Он склоняется перед яблоком-тотемом: «Плода нет совершеннее на свете, / Чем яблоко осенней порой – / ...Но ведь не имя – суть важна в предмете: / Не гармоничен будет город мой / Без яблока – дар древности земной – / Что принимают взрослые – как дети» [3, с. 50].

В поэзии Б. Канапьянова яблоко – не только символ счастливого детства, города и природы, нерасторжимого единства прошлого и настоящего. Это, в соответствии с традицией, и напоминание о любви:

«Тебя звали Алма, / тебя называл / половиной зеленого города» [3, с. 64]. В имени девушки сливаются несколько дорогих поэту смыслов, намёков. Как драгоценна девичья честь, так сакрален, нерушим и город: «Парень, не так переводишь, / Меня звать – «не бери». / Имя моё, / что плод, / на который / наложен запрет. / Не так переводишь, / парень, / э, не так» [там же]. Яблоко – залог жизни, надежды и гармонии: «В коробку зерна спрятаны до срока. / Приснится мне планеты сад живой, / Плодами будет плыть над головой. / И – яблоко несёт в руке эпоха» [там же].

Бинарная оппозиция «город – степь», на наш взгляд, объективно описывает внутренний конфликт

казахстанской поэзии 70–80х гг. XX в. Уход от традиционных ценностей кочевья, расставание с аульным бытом, отрыв от корней, драма болезненной душевной раздвоенности в полной мере отразились в современной казахской литературе. Однако в поэзии Б. Канапьянова образ южного города не является символом бездуховности, противопоставленным ценностям традиционной культуры. Источником противоречия оказывается сознание лирического героя – «половины спелого яблока», преодолевающего неизбежный кризис самоидентификации. В лирике Б. Канапьянова звучит вера в нашего современника – горожанина и степняка, открывающего для себя «планеты сад живой».

Литература:

1. Топорова Т.В. Об архетипе «воды» в древнегреческой космогонии // Вопросы языкознания. – 1996. – №6. – С. 91 – 99.
2. Бекетов Б.Г. Город и степь // Тамыр. – 2003. – №2. – С. 41–49.
3. Канапьянов Б. Избранное: в 2 т. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – Т. 1. – 480 с.

Роль письма в процессе обучения китайских студентов младших курсов русскому языку

Ань Лишэн, старший преподаватель
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В последние годы в КНР обучение русскому языку в рамках вузовских образовательных программ приобретает все большую актуальность. Русский язык преподаётся в большинстве крупных и средних вузов Китая не только в рамках факультативных занятий, но и как основной предмет изучаемой специальности. В большей степени это связано с углубляющимся сотрудничеством между двумя Россией и КНР, а также открытием совместных образовательных программ между вузами партнерами из обеих стран. В изучении русского языка немаловажное значение имеет развитие репродуктивных и продуктивных навыков письма. Будучи одним из базовых навыков, направленных на развитие способностей логически верно выражать свои мысли и чувства посредством изучаемого языка, письмо должно занимать важнейшее место в процессе обучения русскому языку. Однако в реальности, в вузах КНР этому аспекту изучения русского языка отводится не самая заметная роль. Письмо как отдельная учебная дисциплина, как правило, преподаётся на втором и третьем курсах бакалавриата и, как правило, продолжительность курса исчисляется одним-двумя семестрами, что нельзя считать достаточным сроком для формирования и развития столь важного навыка. А вместе с тем, «обучение письменной речи (ПР) иностранцев представляется важным аспектом обучения в системе вузовской подготовки, потому что при условии сформированности данного навыка иностранный учащийся сможет записывать лекции, выполнять различные письменные работы, участвовать в личной и деловой переписке с преподавателями, сокурсниками и администрацией вуза». [2, с. 59–60]

Тем не менее, нельзя сказать, что данная учебная дисциплина пользуется популярностью среди студентов, также не испытывают особый интерес к этой дисциплине и сами преподаватели. В первую очередь, письмо в общем курсе изучения русского языка не нравится по причине «скучности изучаемого материала», преподаватели же его недолюбливают из-за того, что приходится проверять значительные объёмы домашних работ. Формирование навыков письма является долгим и утомительным процессом, и это тоже становится причиной, по которой недолюбливают этот предмет как студенты, так и преподаватели.

По-нашему мнению, роль, отводимая предметам, формирующим навыки письма на русском языке, крайне недооценивается в китайских вузах. Ввод в учебный курс отдельного предмета по формированию навыков письма на русском языке, существенным образом мог бы повысить качество преподавания русского языка в Китае.

Обучение навыкам письменной речи в рамках отдельного учебного курса могло бы существенным образом улучшить усвоение как изучаемого лексического материала, так и многочисленных грамматических правил русского языка, научить их применять полученные теоретические правила на практике.

Навыки письменной речи намного сложнее навыков, позволяющих излагать свои мысли и чувства в устной форме. От студентов требуется не только достаточное знание лексико-грамматического материала, но и знание структурно-композиционных особенностей текста, знаков пунктуации, его стилистических особенностей. [3, с. 19]